

Доктор Лесли Аллен, Плач, Занятие 12, Плач 5: 1-7

© 2024 Лесли Аллен и Тед Хильдебрандт

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это сеанс 12, Плач 5:1-7.

Теперь мы подходим к пятой главе Плача и будем изучать только первые семь стихов. Если я забуду сказать это в конце, могу ли я сказать, что в следующий раз мы будем рассматривать главу 5, стихи с 8 по 16? Глава 5 — это то, чего мы ждали, и с точки зрения горя мы подходим к поворотному моменту.

Помните поворотный момент, о котором я упоминал. Боль ощущается так же сильно, как и всегда, но можно представить себе более позитивное будущее, и поэтому существует решимость в направлении перемен, и то, как эта решимость выражается здесь, заключается в том, что есть обращение к Богу в молитве и Конечно, это то, к чему призывал наставник: необходимость молиться, а затем Сион призывает Сион как образец для подражания для собрания молиться, а затем наставник как мужской образец для подражания сам обращается к молитве и записывает эти молитвы на начало и конец главы 3, и поэтому мы будем двигаться в этом направлении. Нам нужно молиться, и вот мы здесь.

Вспомни, Господи, что случилось с нами. Здесь мы подошли к моменту молитвы, и поэтому, очевидно, есть ощущение, что молитва стоит того, чтобы ее попробовать, и мы можем прийти к моменту, когда поднимем голову над этой человеческой ситуацией, какой бы подавляющей она ни была, и фактически обратимся к Богу, чтобы попросить Его что-то сделать. об этом. У нас сейчас нет акростиха.

Мы больше не используем еврейский алфавит, и все, что мы делаем, у нас есть своего рода отголосок акростиха, поскольку в нем 22 стиха, и поэтому 22 строки составляют это последнее стихотворение и являются просто отголоском акростиха. но настоящего акростиха нет, и нет критической по форме причины, по которой нам следовало бы опустить акростих на этом этапе. Это вполне соответствует молитвенному плачу. Псалом 25 — это молитвенный плач в Псалмах, который является акростихом, и поэтому с этой точки зрения с точки зрения жанра и типа литературы, которую мы здесь находим, нет причин, почему не должно быть акростиха.

Может быть, это просто признак перемен, совершение чего-то другого в качестве знака того, что мы начинаем все сначала, и так же, как сейчас есть только отголосок акростиха, а настоящего акростиха нет, мы проигрываем тому, что обычно происходит с похоронным причитанием, этот метр. Помните счетчик? Три плюс два, хромающий счетчик. Три, и ты надеешься на три

ударных слога во второй половине строки, но нет, три плюс два, и ты испытываешь какое-то разочарование.

Он по-своему выражает скорбь в звуке, но теперь это размер три плюс три , что является вполне обычным поэтическим размером, но погребального причитания мы фактически не оставили . Мы увидим, что похоронный плач играет очень важную роль в пятой главе , и мы не оставили горя, лежащего в основе этого похоронного плача ранее, но перемены витают в воздухе, и новый размер празднует это изменение, можно сказать: но, как я уже сказал, это не завершение в психологическом смысле. Это поворотный момент, поэтому в этой главе по-прежнему выражено много боли, но эта боль обращена к Богу.

Итак, пятая глава колеблется между болью и страданием, надеждой и страданием, и в этой надежде присутствует готовность молиться о лучшем будущем, чем то, что община пережила до сих пор. Ранее мы говорили о различных путях или траекториях, которые мы находим в книге «Плач», горе, вине и обиде, и все они все еще присутствуют в пятой главе, но теперь они объединены с движением вперед, где находится это новое стихотворение. обеспокоенный. Я разделил пятую главу на три части, и это определяет наши три последовательных видеоролика в конце.

С первого по седьмой, стихи с восьмого по шестнадцатый, а затем стихи с семнадцатого по двадцать второй, и в этом случае стихотворение разделено примерно на трети. Итак, почему я должен думать об этих разделах? Ну, смотрю я стих седьмой, отцы наши согрешили, их нет больше, и мы несём беззакония их, и смотрю стих шестнадцатый, венец упал с головы нашей, горе нам, ибо мы согрешили, и в том и другом случае , есть упоминание о грехе, есть упоминание о вине. Вина проявляется в седьмом и шестнадцатом стихах, и я воспринимаю это как своего рода припев, играющий важную роль в структуре стихотворения, и поэтому я хочу мыслить в терминах стихов с первого по седьмой, с восьмого по шестнадцатый, а затем семнадцати до двадцати двух.

Мы характеризуем пятую главу как молитвенный плач, и это правда, но это странный молитвенный плач, потому что он включает в себя еще и другой жанр, нашего старого друга, погребальный плач. На самом деле это, конечно, довольно странно, поскольку погребальный плач по своей природе изначально был светским. Это просто люди говорили о человеческих обстоятельствах, через которые нужно было проработать, но, оставаясь на человеческом уровне, а затем противостоя этой молитве, мы думаем о существенно духовном отношении к Богу, и таким образом контрастирует между этими двумя подходами, этими двумя жанрами, которые пробежаться по книге до сих пор. Но здесь они появляются вместе, что неудивительно, потому что и похоронный плач, и молитвенный плач связаны с катастрофой, и поэтому у них одна и та же общая тема.

И затем, очень рано в нашем курсе, мы увидели, что оба они связаны с траурными ритуалами в Ветхом Завете. Траурные обряды встречаются, особенно в погребальном причитании, но и в Псалмах встречаются упоминания о различного рода траурных обрядах. И потом, конечно же, в Плаче 1:3, даже когда мы имели дело с погребальными причитаниями, мы находили входящее, как бы прокрадывающееся, богословское толкование катастрофы, и мы приближаемся, мы приближаемся к первоочередному в молитвенном плаче.

Конечно, «Плач 5» идет дальше этого. Рядом мы имеем молитву и погребальный плач. Молитва, по сути, обращена к Богу и содержит ссылки на Бога от второго лица.

Где мы это находим в этой главе? Мы находим это в стихе 1, а затем нам приходится долго ждать. Мы снова находим это в стихах с 19 по 22. Так что на самом деле единственная молитва находится в своего рода рамке, рамке, рамке для всей главы.

1 в начале, еще от 19 до 22 указано в конце. Но это действительно единственные элементы молитвы, обращенные к Богу. Между ними есть стихи со 2 по 18, и теперь нет упоминаний о Боге во втором лице, только первое множественное число, относящееся к собранию.

И вот они здесь. Вот эта обертка, и молитва обернута вокруг погребального причитания. И вот чего не происходит в псалмах-плачах, мы делаем такой акцент.

Итак, в молитвенном плаче мы имеем описание кризиса. И обычно это небольшое описание кризиса, условно говоря, по сравнению с общим размером молитвенного причитания. Но здесь так много места отведено разговору об этой человеческой ситуации.

Стихи со 2 по 18, у нас 17 стихов. Большую часть пятой главы занимает погребальный плач. Но, конечно, это не просто погребальный плач, это погребальный плач, обращенный к Богу, который крестится, можно сказать, критически говоря, потому что Бог, к которому обращаются в начале, в конце, все равно призван быть слушатель в стихах со 2 по 18, которые произносятся в человеческом контексте и читаются вполне мирским образом.

А вот погребальный плач однозначно доведен до Бога в 5 главе. Так вот что там происходит, и это довольно странно. Фактически это означает, что глава 5 является свидетельством двух миссий, выполненных наставником. Мы все время говорили об этом, упор делается на молитву.

Вы должны молиться об этом. Вы должны молиться об этом. Это рассматривается с разных точек зрения, и приводятся всевозможные причины, почему людям необходимо молиться.

Мы уже видели, что Сион является образцом для подражания. Сион молится, и в конечном итоге общине придется делать это самостоятельно, и они делают это здесь. И потом, эти свидетельства молитвы в начале и конце главы 3, там был тот мужской образец для подражания, сам наставник, который молился, и смысл был такой: намек, намек, это то, что вам тоже нужно делать.

Итак, очень важно, чтобы призыв к молитве наконец был услышан. Но также мы сделали акцент на похоронах, и наставник признает, что психологически им приходится пройти через эти гранж-процессы. И это очень долго, и это очень сложно.

Возможно, дольше, чем думал наставник. Возможно, при планировании наставник думал, что, дойдя до конца третьего стихотворения, он сможет сразу перейти к пятой главе. Но когда началась литургия, о нет, о нет. Или, когда он, возможно, брал интервью у людей, о нет, им нужно было нечто большее.

Итак, четвертая глава была необходима, продолжая говорить в стиле похоронного причитания. А так, это было очень нужно. И в скорби нужно делать и то, и другое.

Как скорбящие верующие, нам тоже нужно пройти через эти процессы горя, и нам тоже в конечном итоге нужно прийти к Богу и установить с Ним отношения. Конечно, в этой ситуации это было необходимо, потому что существовал фактор вины и отношения с Богом были нарушены. Итак, им пришлось вернуться.

Им нужно было вернуться к Богу, и они должны были внести свой вклад в это примирение. Но молитва всегда необходима, и горе всегда должно в конечном итоге становиться на сторону Бога и снова обращаться к Богу. Итак, вот что там происходит.

Отношения с Богом были фундаментально нарушены. Вам нужно инициировать это обновление. Вы должны инициировать возобновление этих отношений со своей стороны, и собрание должно принять эту истину.

Итак, в главе 5 мы имеем этот замечательный по жанру гибрид. Молитвенный плач, который, собственно, только молитвенный плач в начале и в конце, но включенный в него, молитвенный плач как бы обнимает эту скорбь и приносит ее всю как сверток Богу, обернутый вокруг нее. Необходимо сказать несколько слов об исторической обстановке.

Просматривая главы 1, 2 и 4, мы знали, где находимся. Мы вернулись в ситуацию осады и вновь переживали воспоминания о том, через что прошли люди. И очень часто горе – это вопрос памяти, воспоминания, воспоминания.

На самом деле, воспоминание прошлого — это путь вперед. Это способ преодолеть то ужасное укол, который мучительная боль повторяет снова и снова. Вы в каком-то смысле разбавляете это, способны впитать то, что произошло, и начать через это проходить.

Итак, горе по сути связано с прошлыми событиями. События остались в прошлом, но они продолжают жить в нашей памяти. Они так долго сообщают последние новости, что мы становимся одержимы мыслями о них. Один специалист по скорби сказал, что скорбящему трудно осознать, что часы других людей показывают другое время.

Мы все еще далеко в прошлом, но часы других людей идут вперед час за часом, тогда как мы остались прежними, а наши часы как бы остановились. И вот оно. Итак, страдания прихожан продолжались, но они были одержимы тем, что произошло в прошлом.

Но в третьей главе произошло изменение, и когда наставник говорил о страданиях, он перешел к настоящему, к послевоенной ситуации, к вражеской оккупации. И мы видели в двух местах третьей главы, что это выходит на передний план. И вот, опять же, это историческая обстановка.

Осада осталась в прошлом, и, как будто люди говорят, мы думали, что это достаточно плохо, но наши нынешние страдания продолжаются. Мы не просто вспоминаем прошлые страдания. Мы снова испытываем физические страдания здесь, в нашей оккупированной стране, в послевоенном опыте, и это принесло новые страдания.

Мы видели это в третьей главе, стихи с 34 по 36 и 51, и об этом заговорил наставник, но теперь мы подходим к самой гуще событий в пятой главе, живя в оккупированной стране. Иудея представляла собой настоящий лагерь для военнопленных, а враг был повсюду и находился под жестким контролем. Итак, текст обращается от прошлого, прошлых страданий к настоящему, к настоящим страданиям.

Был ли это комплимент наставнику за то, что они смогли преодолеть свои прошлые страдания и что теперь они не так сильно повлияли на них? Ну, я не так уверен, потому что когда вы подходите к стиху 18, вы снова заглядываете в прошлое, и в стихе 18, что больше всего беспокоит этих людей? Что их больше всего расстроило? Стих 18, из-за горы Сион, лежащей над ней в запустении. Итак, они вспоминают, что они в этом городе, вероятно, в разрушенном дворе

старого храма, но они там, и они оглядываются, и они думают: Сион пал. Сион пал.

Как это может быть? Итак, они вспоминают ту ситуацию, не только свою нынешнюю ситуацию жизни в оккупированной стране, но и то, что ей предшествовало, - падение и разрушение Иерусалима. Итак, это все еще играет роль в мышлении собрания, и мы не удивлены. В любом случае, было что сказать, и на первый план в основном выходил их нынешний объективный опыт, а не субъективный опыт горя в терминах памяти.

Нам нужно думать о молитве. Молитва, думаю, я уже упоминал раньше, молитва – это убеждение. Чтобы быть эффективным, в Псалмах очень важно убеждать Бога.

Чтобы быть эффективной, молитва должна приводить хорошие и разумные аргументы перед Богом. Молитвенные причитания в Псалмах всегда служат хорошим аргументом, а ключевым словом является небольшой союз, который обеспечивает мотивацию. Ответь на наши молитвы, спаси нас, ибо, ибо, и Ты даешь повод.

Итак, вы выстраиваете перед Богом веские аргументы в пользу того, почему вы должны ответить, почему Бог должен ответить на эту молитву. Пятая глава на самом деле представляет собой ряд мотивов, которые должен увидеть Бог, ряд причин, по которым им нужна его помощь. Только с Божьей помощью они смогли начать новое начало.

И я думаю, я тоже думаю об этом, о модели Анонимных Алкоголиков, об этой программе двенадцати шагов, это полезный способ донести до нас этот факт, что обращение к Богу, что высшая сила так необходима, чтобы преодолеть несчастье в наша человеческая ситуация. Что касается Анонимных Алкоголиков, то они во многом полагаются на Бога или высшие силы за помощью. Но алкоголизм является животрепещущей проблемой.

Это кризис. И дается уверенность, что Бог поможет алкоголику выздороветь. И это верно здесь, в пятой главе.

Это правда, что наставник думает, что Бог здесь, чтобы помочь. Это очень верно. Но о ситуации в «Плаче Иеремии», особенно в пятой главе, можно сказать больше, но ранее намекали, что настоящая животрепещущая проблема — это духовная, теологическая проблема, что отношения с Богом, те заветные отношения, которые Израиль среди всех других стран, это был действительно животрепещущий вопрос.

А 586 год означал разрыв этих заветных отношений. Итак, кульминационное прошение в молитве произойдет в стихе 21. Верни нас к Себе, Господи.

Верните нас себе. И это большая проблема, которую необходимо решить. И в этом, собственно, и состоит суть молитвы.

Но чтобы убедить Бога, они приносят Ему свое несчастное дело, а судьям приносят защиту своего положения, почему им нужно было помочь и в то же время вернуть их в те отношения с Богом. Итак, здесь мы получаем объединение погребального причитания и молитвы, и все это играет объединяющую роль, представляя дело Богу, убеждая Его вмешаться от их имени. Итак, теперь мы подходим к отдельным деталям отдельных частей этих первых семи стихов.

В первом стихе вы видите эту прямую просьбу, которая задает тон. На протяжении всего произведения молитвенное настроение, все представлено перед Богом. И все начинается с: помни, помни.

И это призыв к Богу быть внимательными. И действительно, оно говорит: не игнорируй нас, Боже. Но есть призыв к активной памяти, которая отдает приоритет тому, чему необходимо уделить внимание.

Поэтому, пожалуйста, обратите на это внимание. Это действительно параллельно тому взгляду и зрению, который мы также получили в этом первом стихе. Вспомни, Господи, что постигло нас, взгляни и увидь наше позорище.

Помните, что это во многом часть молитвенных причитаний, и мы их повторяем несколько раз. Один из примеров находится в Псалме 25, а там он находится в седьмом стихе, 25:7. Не помяни грехов юности моей и преступлений моих.

По стойкой любви Твоей, помяни меня ради Твоей благости, Господи. Это очень похоже на третью главу, не так ли? Непоколебимая любовь и добро. Но помните меня, вот он, призыв к Богу обратить внимание.

А потом вы излагаете все причины, почему он поставил, должен поставить, уделить вам свое внимание. И в первой половине строки в самых общих чертах упомянуто, что с нами случилось. Но тогда посмотрите и увидите наш позор.

Посмотрите и увидите, конечно, они слушали бы наставника, и они слушали бы Сион, потому что это была форма прошения, которое они приносили в своих молитвах. Итак, смотрите и смотрите, смотрите и делайте что-нибудь с этим. И вот о чем они молились.

Но интересно, что они суммируют, что не так, с точки зрения позора. Позор. И позор – это не непосредственное, объективное страдание, физическое страдание.

Это субъективное страдание. Это психологические страдания. Помните, ранее мы говорили о вторичных страданиях, связанных с горем, унижением и потерей лица.

И это может быть так же круто или даже хуже, чем объективная ситуация. Итак, это вопрос чувств, психологических ощущений, которые предстают перед Богом. О, мы чувствуем себя такими несчастными, Боже.

Мы чувствуем себя такими никчемными. Посмотрите и увидите наш позор. И они хотят исправления человеческой психики.

Они хотят еще раз исцелиться в своих умах и сердцах. Это основная причина всех их физических проблем. Итак, это действует как мотивация.

Они представляют себя несчастными и нуждающимися людьми перед Богом в надежде, что Он искренне пожалеет общину как жертву, страдающую как эмоционально, так и внешне. Итак, это убедительная подпорка императивам, это слово, безобразие. И вот мы здесь.

Мы подходим к первому разделу, стихам с 1 по 7, и рассматриваем траектории, пути, горе, обиду и вину. Что ж, мы подойдем к вопросу о вине в стихе 7, кульминации этого первого раздела. Наши предки согрешили, их больше нет, а мы несем их беззакония.

Итак, здесь есть упоминание о вине, которое нам придется рассмотреть более подробно. А потом будут упоминания о горе, примеры утраты нормальной жизни, той жизни, которой они наслаждались до вторжения. Это было в прошлом.

Горе, мы помним, по существу связано с потерями, потерянными вещами, а потерян целый ряд. И в стихах со 2 по 6 идет список этих потерь. Обида, эти выражения горя и потерь, также функционируют как обида. Недовольство связано с вражеской оккупацией, потому что именно вражеская оккупация приводит к этим потерям.

И оно кажется очень большим. Горе и обида во многом являются спутниками или близнецами, если мы посмотрим на этот первый раздел. Теперь мы переходим к нашим причинам и различным мотивациям, даже если у нас нет «за» или «потому что».

Мы подходим ко второму стиху: наше наследие отдано чужеземцам, наши дома – чужеземцам. Наследование — очень сложный термин, и так оно и должно быть. Оно перевернуто с земли, и вы не можете изучать богословие Ветхого Завета, не исследуя богословие земли.

Здесь это представлено как сильная территориальная традиция, но имеющая богословскую основу. По-человечески земля должна была оставаться в семье на протяжении поколений, передаваться от отца к сыну, внуку и так далее. Но все знали, что, по сути, это было дано Богом племенам, которые разделились между кланами, которые разделились между семьями, и именно это и должно было быть.

Но что говорит стих 2? Наше наследство отдано чужакам, наши дома – чужакам. Когда мы думаем о наследстве и утраченном наследстве, есть ключевой отрывок, и я думаю о 3 Царств и 21 главе. Это история встречи Илии с царем Ахавом в Северном царстве.

Рядом с дворцом Ахав выглянул из окна и увидел по соседству прекрасный виноградник, и он пожелал этого виноградника. Он сказал: «О, из этого получился бы прекрасный сад для меня». Мне бы хотелось, чтобы это было у меня.

Мне бы хотелось, чтобы это было у меня. Но нет, оно не принадлежит мне. Я не могу этого получить.

Итак, в 3 Царств 21 мы читаем: «У Навуфея был виноградник в Изрееле, рядом с дворцом сирийского царя Ахава». Ахав сказал Навуфею: отдай мне твой виноградник, чтобы я мог использовать его для огорода, потому что он недалеко от моего дома. Я дам тебе за него лучший виноградник, или, если он тебе понравится, я дам тебе его цену и деньги.

Но Навуфей сказал Ахаву: не дай Господь мне отдать тебе наследие моего предка. Ахав пошел домой обиженный и угрюмый из-за того, что сказал ему Навуфей, Изреелитянин . Ибо он сказал: не отдам тебе наследства моего предка.

Он лег на свою постель, отвернулся и не ел. И вот он дуется. Все в порядке.

Королева пришла к нему. Что случилось, моя дорогая? В чем дело? И он говорит ей, что случилось. О, не волнуйся, моя дорогая.

Я организую, чтобы вы его получили. И это было ясно. Ответ был ясен для Иезавели.

Она была дочерью царя Тира . А царь Тира был самодержцем. Все, что хотел король, он мог получить.

И это было как отец, как дочь. И поэтому я это устрою. И вот она устроила ложные обвинения в проклятии Бога и царя, Навуфея побили камнями.

Вот оно. Итак, вы можете получить это сейчас. Это твое, дорогая.

Так что это конец проблемы. О, нет, это не так. Приходит Илия и говорит от имени Бога.

И он произносит страшное пророчество о суде Божиим против него. Он говорит, что ты потеряешь свою землю. Нет, я перехожу к следующему тексту.

Потому что во второй главе Михея мы имеем аналогичную ситуацию потери земли. И были эти богатые люди, которые жаждали полей и захватывали их, и притесняли домохозяев, и дом, и людей в их наследстве. Бог говорит через пророка Михея, что вы потеряете это на своей земле, потому что вы осмелились отобрать землю у других людей.

Итак, это, очевидно, очень глубокое недовольство. И это человеческое недовольство, но оно имеет богословский подтекст. Наше наследство передано.

Дома и земля были реквизированы для использования иностранными войсками. Затем, в третьем стихе, мы становимся сиротами и сиротами. Наши матери как вдовы.

И у нас есть сравнение, и метафора, и сравнение. Это похоже на использование слова «вдова» в первой главе. Это социологическое.

Речь идет о низком социальном статусе людей, которые являются вдовами и сиротами. И вот мы такие. Мы потеряли свое положение.

Мы больше не независимые граждане. Мы очень зависим от этих людей, которые оккупируют эту землю. Мы социально уязвимы.

Мы потеряли свое социальное положение, потому что находимся под вражеской оккупацией. И затем, в четвертом стихе, мы должны платить за воду, которую пьем, и покупать получаемые нами дрова. Очевидно, это была новая ситуация, потому что оккупанты взимали большой налог за воду и древесину, необходимые для разведения огня для приготовления пищи.

И свободного доступа, как раньше, не было. Земельные активы больше не были в свободном доступе для людей. Итак, это снова жалоба, связанная с землей.

А поскольку он связан с сушей, существует богословская предпосылка, что эта ситуация должна повлиять на самого Бога. И я думаю о таком стихе, как этот, я думаю о стихах из восьмой главы Второзакония и стихах с седьмого по десятый в восьмой главе Второзакония. Господь, Бог твой, ведет тебя в добрую землю, в землю с текущими ручьями, с источниками и подземными водами, бьющими по долинам и холмам, в землю пшеницы и ячменя, виноградных лоз, смоковниц и гранатов, в землю оливковые деревья и мед, земля, где ты сможешь есть хлеб без недостатка, где ты ни в чем не будешь нуждаться, земля, камни которой железные и на холмах которой можно добывать медь.

И далее говорится о хорошей земле, которую дал вам Бог. Но теперь это была не их земля, как они всегда поступали до сих пор. Теперь оккупантам предстояло диктовать условия, при которых они могли пользоваться активами этой земли и здесь, водой и лесом.

Итак, как во втором, так и в четвертом стихе есть богословские разветвления, а также веские причины, почему Бог должен серьезно относиться к тому, что с ними произошло, потому что, в некотором смысле, это случилось и с ним, и это изменение ситуации затронуло Бога, и поэтому это способы убедить Бога принять их сторону. Стих пятый: с ярмом на шее мы изнурены, утомлены, не даем нам покоя. В Новом RSV добавлено одно слово на иврите, которое переводится как ярмо, с ярмом на нашей шее, и это отражено в одной древней версии, и преимущество в том, что оно имеет смысл на нашей шее, с ярмом. на наших шеях.

NIV не добавляет это слово, а вместо этого есть своего рода парафраз: те, кто преследуют нас, идут за нами по пятам. Они близки к нам. Они преследуют. Они так близко к нам, они идут за нами по пятам. Итак, «на нашей шее» можно перефразировать как «на наших пятках», и это имеет некоторый смысл. На самом деле, я думаю, что речь идет о принудительном труде, независимо от того, смотрите ли вы на NIV или NRSV. Говоря о том, что нас преследуют, я думаю, что New RSV прав, думая о расширенном значении, мы жестко движимы, нами жестко движут наши надсмотрщики, которые усердно с нами работают. Они дышат нам в шею, они так близко к нам, они дышат нам в шею. По сути, речь идет о принудительном труде, к которому принуждают оккупированных людей.

В связи с этим мы утомлены, нам не дают покоя. Традиционно иудейские израильтяне работали шестидневную неделю, но теперь, очевидно, семь дней, давай, вернемся к работе. Есть работа, которую нужно сделать, и им не дали отдохнуть. И вот семь дней работали, работали, работали, мы устали. Нам не дают покоя, и вот мы здесь.

Это небольшой намек на теологическую проблему: обычный шестидневный труд в седьмой день, который обычно является отдыхом в субботу. Итак, можно сказать, что это оскорбление Бога, поэтому еще раз убедительный вопрос, даже когда речь шла о Боге. Но затем мы подходим и к этим заключительным стихам, которые, я думаю, тесно связаны друг с другом: мы заключили договор с Египтом и Ассирией, чтобы получить достаточно хлеба, наши предки согрешили, их больше нет, и мы несем их беззакония.

Я думаю, здесь снова возникает вопрос о временах, английских временах, и здесь, в стихе 6, мы заключили договор о совершенном, я думаю, на самом деле это взгляд на прошлое, прошлую ситуацию. NIV показывает, что мы подчинились Египту и Ассирии, чтобы получить достаточно хлеба. Наши предки согрешили, их больше нет, и мы несем их наказание. Это говорит о том, что корень заложен в предыдущем поколении, и когда речь идет о предках, речь идет не о многих-многих столетиях назад или даже не обязательно о многих-многих десятилетиях назад. Это довольно недавнее прошлое, в иврите просто используется слово «отцы», которое имеет разное значение в зависимости от контекста, «праотцы».

Я вспоминаю более ранние времена политического опыта Иудеи, когда в Израиле и Иудее был голод. Они всегда испытывали голод, просто так случилось и нужно было завозить продукты из-за границы.

А так, правильно, экономические договоры тогда с иностранными державами, и это решит ситуацию. Возможно, вы помните в книге Бытие, что в 12-й главе Бытия Авраам испытал голод, когда был в земле обетованной, и переселился в Египет на некоторое время, пока сезон не закончился и пока снова не наступил сезон дождей.

Затем вы помните в Бытие 42, что семья Иакова посетила Египет, чтобы привезти обратно еду, и поэтому временами существовала такая зависимость, но она становилась довольно зловещей, потому что в недавней истории в случае Иуды это была возможность для иностранных верблюдов. чтобы проникнуть в шатер Иуды. Итак, существует очень сильное ощущение, что предыдущие поколения поступили неправильно, и в этом прошлом опыте началась гниль.

И постепенно иностранные державы получали все больший контроль над Иудеей. Сначала это были Иуда и Ассирия, а на смену Ассирии пришла Вавилония, и теперь они страдали, часть империи восстала против Вавилона, а теперь Иерусалим разрушен, и всему пришел конец, но эта отправная точка, это зловещее начало Дело в том, что эти экономические союзы. Очень часто в Ветхом Завете мы находим упоминания о таких же периодах политических

союзов. Но вполне возможно, что существовали бы также экономические союзы и договоры.

Итак, это подытожено в стихе 7: наши предки согрешили, их больше нет, они умерли, те прежние поколения, которые заключили эти пакты, экономические пакты, с иностранными державами, и мы несем их беззакония, посмотрите, что это такое повзрослев, вся эта ситуация развивается таким ужасным образом. Посмотрите, к чему это нас привело. В конечном итоге это привело к подчинению чужой державы, преемницы Вавилона, Ассирии, поэтому прошлые грехи нации настигли нынешнее поколение. В стихе 6 говорится, что мы заключили договор по образцу наших предков, и упоминается солидарность поколений; мы как нация были вовлечены в эту ситуацию, хотя, если говорить точнее, в поколенческом плане, это были наши предки, наши предки, которые были вовлечены в эту ситуацию, и они сказали, что их больше нет, и мы несем их беззакония.

Итак, когда вы читаете комментарии к «Плачам плача», многие комментаторы много высказываются по поводу стиха 7. Они хотят противопоставить его стиху 16: мы согрешили в стихе 16, но наши отцы согрешили в стихе 7 и они хотят видеть здесь путаницу, хотят видеть две совершенно разные точки зрения, не согласующиеся друг с другом.

Вот текст, который, кажется, согласен с ними, и те комментаторы, которые придерживаются этой линии, апеллируют к Иезекииля 18 и стиху 2. Там Иезекииль связан с иудейскими изгнанниками в Вавилоне, которые были очень возмущены своим изгнанием и говорили, что это не наша вина. , это предыдущие поколения. Это их вина, а не наша вина. Что они говорили, у них была пословица, способ подвести итог: «Родители ели кислый виноград, а у детей на зубах на зубах». Это несправедливо, это точка зрения.

И вот, мол, это не мы, это предыдущие поколения, родители ели кислый виноград, а у детей на зубах на зубах. Мы могли бы изменить метафору и сказать, что родители напились, а мы, дети, страдаем от похмелья. Это просто несправедливо, и чтобы эта очень живописная пословица могла лежать в основе, лежит ли она в основе стиха 7, мы несем их беззакония, они умерли, они отделались безнаказанностью, а мы несем их беззакония, и это несправедливо.

Это не мы грешили. А, а 16 говорит, а мы согрешили, ну это другое, это другое, и тут путаница. На данный момент существуют две разные точки зрения, две разные богословские точки зрения. Ну нет, не совсем, потому что в Ветхом Завете есть ряд отрывков, которые хотят соединить воедино как два звена в цепь, оба ряда обстоятельств, и я отсылаю вас к одному из этих отрывков.

Псалом 79 и стихи 8 и 9: не вспоминайте против нас беззакония отцов наших, пусть ваше сострадание придет скорее навстречу нам, ибо мы очень унижены, звучит так, как будто стих 7 Плача хорош.

Но как это происходит? Помоги нам, Боже, нашего спасения во славу имени Твоего, избавь нас и прости грехи наши ради имени Твоего.

Итак, речь не идет о том, что грешниками были только предки, только праотцы. Это взято в скобки, эти две вещи взяты в скобки, и обе они представляют собой ужасное признание вины прошлого и настоящего.

В стихе 6 есть интересный факт: мы участвовали в солидарности поколений, мы заключили договор с Египтом и Ассирией, мы подчинились Египту и Ассирии, чтобы получить достаточно хлеба, и исторически именно так поступали наши предки.

Но это были мы. Мы были вовлечены в ту солидарность поколений, которая пришла к нам, и вот она есть. Я не думаю, что нам следует каким-либо образом сбивать с толку различие между стихами 7 и 16. Но мы подошли к концу первого раздела главы 5, и там речь идет о горе, о обиде, и в этом Последний стих, на самом деле последние два стиха, 6 и 7, посвящены чувству вины.

В следующий раз нам следует перейти к стихам с 8 по 16.

Это учение доктора Лесли Аллена о книге Плача. Это сеанс 12, Плач 5:1-7.